

Андрей
Пучков

***Райское
место***

Мир фантастики

12+

Андрей Пучков

Райское место

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Пучков А. В.

Райское место / А. В. Пучков — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Размеренная жизнь одной из внеземных российских колоний была нарушена появлением отряда имперского спецназа, оснащённого специальными средствами защиты. Выполнив свою задачу, десантники, сами того не желая, спровоцировали столкновение с представителями внеземной цивилизации.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Андрей Пучков

Райское место

Глава 1

– Александр Андреевич! Ну где вас носит!.. – раздался по громкой связи приторно-сладкий голосок дежурной по городку Верочки. – Давайте бегом сюда, а то всё пропустите!.. Вы же сами посмотреть хотели!

– Да чтоб тебя гром разбил! – громко выругался я, поднимаясь с кровати. – Ну какого чёрта твоя больная голова орёт на всю округу!?

О том, что меня кто-то услышит, я не переживал: статус командира отряда охотников предполагал наличие в моём единоличном пользовании отдельной комнаты, чем я с удовольствием и пользовался. Коллеги по охотничьему цеху уже работали: патрулировали карьеры с целью обнаружения и истребления всевозможной опасной бяки, которая частенько пробиралась в карьерные выработки и пугала работяг.

А поспешить действительно надо было. Будильник, как оказалось, завести я забыл, и после суточной смены сам бы ни за что не проснулся. Но и Верочка тоже хороша! Могла бы и просто в кубрик брякнуть, а не орать на всю Ивановскую!..

Я быстро натянул футболку с лаконичной надписью на груди «Это я», запрыгнул в штаны и, не заморачиваясь с обувью, босиком поскакал в смотровую, которая находилась в этом же здании. Бегом пробежал по коридорам станции и, увидев, как на меня с удивлением и опаской косятся встретившиеся сотрудники, с досадой констатировал собственную бестолковость. Ну а как же! Бегущий человек, если это только не спортсмен, всегда вызывает чувство озабоченности и беспокойства. Тем более, когда этим бегущим оказывается охотник, который если ни за кем не гонится, значит, от кого-то убегает! Ну а если уж охотник от чего-то убегает, значит это «чего-то» на самом деле опасно!

Подбежал к двери, ведущей в смотровую, приложил ладонь к матово мигающему квадрату и, дождавшись, когда мигание прекратится, толкнул дверь и вошёл в рубку управления городком.

Мне всегда нравилось бывать здесь! Во-первых, это было женское царство! Во-вторых, это было молодое женское царство! В-третьих, это было довольно симпатичное молодое женское царство! Чтобы с радостью притащиться сюда, мне было достаточно и второй причины, а тут ещё и внеплановое прибытие корабля!.. В общем, стимулы для моей пробежки были всё-таки очень серьёзными.

– Верочка! Золотце! Сделай, пожалуйста, большой обзор! – молитвенно сложил я на груди руки. – Что хочешь для тебя сделаю!

– Девочки! – довольно засмеялась девушка. – Кто из вас за этого бабника замуж хочет? Он на всё готов!

На этот раз уже я заржал, увидев, как вверх взметнулись четыре женских ручки.

– Ну и дурные же вы! – фыркнула Верочка. – А ты-то что тащишься? – обратилась она уже ко мне. – Эти бестолковые не за тебя замуж хотят! Они просто замуж хотят!

– Да Бог с тобой! – начал подлизываться я. – Недостойна моя морда вашего прекрасного розария! Но ты уж разгони, пожалуйста, вот эти схемы по углам и яви пред своими ясными очами вожденную мной картинку!

– Ладно, любуйся!.. Сама ведь, в конце концов, тебя позвала, – проскрипела Верочка и взмахом руки, на которой был закреплён браслет управления, согнала на самый край схему

периметра городка. Потом поколдовала над своим пультом и вывела перед собой голограмму звёздного неба. Я с жадностью уставился на яркую картинку, передаваемую спутником.

Картинка на самом деле была красивой. Я хоть и далёк от получения эстетического наслаждения от созерцания красивых пейзажей, но звёздное небо мне нравилось, особенно вот так вот – протяни руку и дотронься!.. Удивительно чёткое изображение голограммы создавало ощущение, что ты висишь внутри этой звёздной черноты, и только где-то там внизу виден ярко-зелёный край планеты, на которой мы все сейчас и пребывали.

Одна из девушек, внимательно вглядывавшихся в монитор, подняла руку, привлекая к себе внимание, и начала отсчёт: «Десять, девять, восемь... два, один!.. Вот он!.. Прибыл!..»

Я ожидал появления корабля, но всё равно радостно вздрогнул, когда прямо из ничего, из пустого черного пространства, усыпанного далёкими звёздами, вдруг выдвинулись три стабилизационные антенны корабля и, подрагивая в зыбком мареве отступающего подпространства, начали быстро удлиняться, словно вырастая из тёмной пустоты. Следом за ними проявился и нос огромного судна, на котором эти антенны находились. Я, приоткрыв рот, смотрел, как размытые чуждыми для человека физическими принципами, контуры корабля проявляются в нашей реальности. Ещё мгновение, и вот наконец весь он вывернулся из черноты космоса. Несколько томительных секунд силуэт корабля подрагивал под призрачным покрывалом, а затем он разом, как будто очнувшись, сбросил с себя миражную дымку и предстал во всей своей красе.

– Грузовое судно «Олимп» класса «Фагот» прибыло в намеченную точку! Спутник слежения отзываю, – раздался звонкий голосок одной из девушек, и я пришёл в себя, оторвался от завораживающего зрелища.

Ко мне подошла Верочка и, встав на цыпочки, прошептала на ухо:

– Не благодари!.. Ночью рассчитаешься!

А потом довольно бесцеремонно вытолкала меня из рубки. Я постоял ещё немного возле двери, смакуя увиденное, а затем зашагал в сторону своего кубрика, досыпать после смены.

Эту планету обнаружили тридцать лет назад. А после того как на неё высадили исследовательский отряд, поняли, что наткнулись на настоящий клад. И этот клад назывался бериний! Очень дорогой, редко встречающийся минерал, обладающий свойствами, которых не имело ни одно земное вещество.

Однако это было ещё не всё! Почти рядом с тем самым местом, откуда я только что любовался прибытием корабля, всего в пятнадцати километрах отсюда, находилось настоящее сокровище этой планеты. И имя этого сокровища центорий! Это вещество, похожее на синий гранит, не встречалось ни в одном известном землянам мире. И первым его свойством, о котором узнали учёные, была способность продлевать срок службы любого двигателя практически до бесконечности. Стоило только напылить центорий на детали двигателя, и они переставали подвергаться износу. Пока это не было проверено практически, времени прошло слишком мало, чтобы говорить о вечности, но я верил учёной братии, иначе зачем тогда было положено столько жизней за обладание хоть каким-то количеством центория.

Как оказалось, закон подлости в этом Богом забытом уголке работал на полную катушку. Неимоверное богатство было практически недоступно человеку, и не только потому, что подступы к нему охраняли огромные твари, но в основном потому, что от месторождения центория исходило мощное излучение неизвестной природы. Это излучение напрочь вырубало электронику и буквально разрушало двигатели. Причём для него не было разницы, какие это двигатели. Разрушались все силовые агрегаты: хоть внутреннего сгорания, хоть электродвигатели, хоть двигатели МКВ, работающие по принципу микровзрыва.

Защититься от этой напасти пока не было никакой возможности. Излучение преодолевало любые преграды, и до настоящего времени не было создано материала, который бы пре-

граждал ему путь. Лучшие земные умы, привлечённые к изучению этого феномена, задумчиво чесали лысые головы и в недоумении пожимали плечами.

Грузовой челнок прибыл на площадку приземления точно в оговоренное время. А иначе никак, только по предварительной договорённости, потому что именно здесь, на площадке, находился склад первично переработанного бериния. И если не остановить работы перед посадкой, под удар двигателей корабля могут попасть рабочие, управляющие погрузчиками и прочими механизмами, с помощью которых готовили плиты бериния к погрузке.

Я наблюдал за медленно опускавшейся громадой судна с приличного расстояния, из кабины открытого «гнома» – приземистой и быстрой машинки на воздушной подушке. Это зрелище тоже было впечатляющим. Огромное судно, длиной более трёх сотен метров, которое просто челноком и называть-то было неловко из-за его размеров, величественно опускалось на площадку, вызвав работой двигателей ураган местного значения. Повременив, пока осядет пыль, я подъехал поближе и стал ждать новостей.

Новостей не могло не быть. Прибывший на орбиту грузовой корабль прилетел внепланово, не по расписанию. Как правило, судно навевывалось к нам за грузом раз в два месяца. Привозились предметы жизнеобеспечения, продукты и прочие нужные вещи. Потом несколькими рейсами челнока на корабль доставлялся бериний, и мы опять на два месяца оставались одни.

Напоследок тяжело вздохнув двигателями, челнок грузно опустился на мощные опоры, под которыми жалобно взвизгнула каменная площадка, и замер, словно не зная, что ему предпринять дальше. Но вот он наконец сообразил, что надо делать, и его кормовая рампа начала медленно опускаться, открывая темное нутро судна. И сразу же, как только массивная плита коснулась мелкой каменной крошки, покрывающей всю площадку приземления, из темноты грузового отсека показались две шеренги идущих в ногу людей.

Для того чтобы понять, что это военные, много ума не требовалось. Осталось только рассмотреть, кого представляли эти вояки, и я, подняв лёгкую пыльцу подушкой своего «гнома», направился ближе к челноку, тем более что к военным уже подъезжала сорокаместная «гусеница», перевозящая рабочих. Как только «гусеница» остановилась возле стоящих в две шеренги солдат, те дружно начали забрасывать в неё здоровенные брезентовые сумки, которые до этого тащили на плечах. Покончив с загрузкой инвентаря, солдаты резво заполнили присланный за ними транспорт и замерли истуканчиками, каждый на своём месте. Утробно рыкнув мощным мотором, «гусеница» дернулась, заставив качнуться своих пассажиров и, поднимая каменную пыль, направилась в мою сторону. Не дожидаясь, пока транспорт приблизится ко мне, я опустил на лицо зеркальную полусферу, защищающую глаза не только от яркого света и пыли, но и от ненужных взглядов.

Я разглядел, кто почтил нас своим присутствием. Именно почтил, без преувеличения и иронии. По крайней мере, я считал именно так. Это были ребята из десанта военно-космических войск – элита вообще всех вооружённых сил Российской империи. Круче этих парней не было никого, и я считал так не потому, что сам пять лет служил в этом десанте, а потому что так оно и есть. Я несколько секунд смотрел вслед резво уползающей «гусенице», а потом, подняв «гнома» повыше над землёй, напрямую рванул в городок. Мне надо было до приезда военных успеть переговорить с начальником поселения. Предчувствия были нехорошие.

– Да, Александр Андреевич, они направятся за центрием! – подтвердило мою поганую догадку руководство. – И я ничего не могу с этим поделать. Не подчиняются они мне.

Я сидел в кресле и провожал взглядом раздражённо ходящего по своему кабинету начальника городка. Наконец он набегался и, коротко глянув на меня, с тяжелым вздохом опустился в соседнее кресло.

– Алексей Михайлович, вы ведь как никто другой знаете, чем это заканчива...

Договорить мне начальник не дал:

– Да, Саша!.. Знаю! Прекрасно знаю! И, мало того, я получил приказ не только оказывать отряду всемерную помощь и поддержку, но и направить с ними в лес проводника из местных охотников! И, кстати, для сведения, если ты не знал. Для этого отряда специально выделили ближайшее судно, оказавшееся грузовым «Фаготом», чтобы только доставить военных сюда.

Я присвистнул и, не выдержав, выругался:

– О-хре-неть! Они что, так уверены, что смогут притащить центорий?!

– По-видимому, да, – опять вздохнул Алексей Михайлович. – Если отряд сумеет принести хотя бы с десяток килограммов, все затраты окупятся.

– Окупятся! Конечно, Алексей Михайлович, окупятся! – рявкнул я, поднимаясь с кресла. – центорий, Алексей Михайлович, всё окупит! Но только в том случае, если никто из этих парней не погибнет!

И я, хлопнув дверью, вышел из начальственного кабинета. Сделал несколько шагов по коридору, а потом, развернувшись, опять впёрся к начальнику в кабинет.

– Прости, Михалыч! Погорячился!.. Злой я!.. Я просто хочу предупредить, что никого из своих людей не дам!

– А они и спрашивать тебя не будут, – грустно усмехнулся начальник. – На вот, ознакомься, – и он протянул мне листок бумаги.

Я осторожно взял лист и начал читать, и чем дальше я читал, тем больше становились у меня глаза.

– Они привезли?! – прохрипел я и, откашлявшись, уже нормальным голосом повторил:

– Они?.. Капсула?

– Да, Саша, они. Капсула. Не сомневайся, всё чин по чину.

– Да я и не сомневаюсь, Михалыч, не те это люди, чтобы в мелкие пакости играть.

– Не те... Но и ты, благодаря им, уже не командуешь своими людьми.

– Это неважно, Алексей Михайлович, командую или нет! Важно то, что все здешние охотники знают, что такое местный лес. И поэтому никто туда не пойдёт. А насколько я знаю, на такие мероприятия приглашаются только добровольцы.

– Да, Саша, только добровольцы, – усмехнулся Михалыч. – А ты мне вот что лучше скажи, сколько в твоём отряде русских парней? Я имею в виду россиян.

– Шестнадцать! – не задумываясь, ответил я. – Ну и, соответственно, четверо не являются российскими гражданами. Иностранцы.

– Ну и как ты думаешь, Саш, если к нашим обратятся за помощью, да ещё скажут, что без их помощи отряд не справится и что матушка Россия нуждается в них? Найдутся добровольцы среди твоих людей?

Я не ответил. Подошёл к столу, взял небольшой прямоугольный пенал, одиноко лежащий на полированной поверхности. Покрутил его в руках, осматривая со всех сторон. Именно в таких пеналах передавались распоряжения, приказы и другая секретная информация, так как на расстоянии десятков, а то и сотен световых лет связь по вполне понятным причинам не работала. Этот пенал мог вскрыть только адресат. Вот Михалыч и вскрыл, и распечатал для меня исходящий с самого верха нанявшей меня корпорации приказ, согласно которому я от командования своим людьми временно отстранялся, и они переходили в подчинение командира отряда десантников. Но всё же была оговорка. Для участия в предстоящем мероприятии от охотников требовалось только личное согласие, никаких приказов. И на том спасибо.

Осторожно положив капсулу обратно на стол, я подошёл к окну и задумчиво уставился на не очень-то и далёкий лес, который нам предстояло пройти.

– Сам пойдёшь? – тихо спросил Алексей Михайлович и, встав рядом со мной, тоже уставился в окно.

– Да, Михалыч... Сам.

– Я так и думал! Они, знаешь ли, хорошие психологи. Им нужен был лучший, и они его получили, без всяких напрягов и уговоров.

Глава 2

Верочка не пришла. Я сам позвонил ей и сказал, что нарисовалась срочная работа, начал сбить охранный периметр, и, как долго придётся с ним провозиться, неизвестно. И вот теперь я стоял, опершись спиной на тёплый капот своего верного «гнома», и смотрел, как опускались сумерки на лес, за которым в лучах уходящего на покой местного светила начинала сиять синим светом скальная гряда, представляющая из себя центорий в чистейшем виде. Дельных мыслей в моей несчастной голове не было, крутились только лихорадочные воспоминания, которые, как я думал, навсегда пропали где-то на задворках моего сознания.

А виной всему был один из прибывших военных, в звании подполковника, вернее, одна из военных, та, из-за которой на моей физиономии остался пятисантиметровый шрам. Хотя, если здраво рассудить, она вообще-то была и ни при чём. Лицо я себе попортил сам, и виной тому была проявленная мною в молодости лихая бестолковость. Но старался я для неё! Это факт!

Я её узнал сразу же, несмотря на то, что у неё была уже не роскошная золотистая грива длинных волос, а кокетливая мальчишеская стрижка. Вышел от Михалыча на улицу и сразу же столкнулся с группой прибывших военных, которые стояли недалеко от входной двери и что-то обсуждали. Хорошо, что она смотрела в сторону и я, узнав её, успел прикрыть физиономию зеркалом. Не знаю, смогла она меня разглядеть или нет, но вслед мне смотрела долго. Я это видел с помощью камеры, которая выводила все, что делается у меня сзади, на зеркальное забрало. Было бы просто отлично, если бы она приняла меня за пугливого охотника, который боится военных. А, с другой стороны, пугливый охотник – это нонсенс! И они этого не могут не знать.

– Командир! У тебя всё в порядке? – раздался в наушнике обеспокоенный голос дежурного охотника, который сейчас сидел в наблюдательной башне и следил за территорией, прилегающей к лесу.

– Всё нормально, Коля, просто задумался...

– Понял!.. А то я смотрю, что-то долго на одном месте стоишь!

Я забрался на сиденье «гнома» и, удобно откинув его спинку, опять уставился на скалы.

Познакомились мы с ней пятнадцать лет назад, когда я только-только окончил военное училище и вся наша выпускная банда готовилась к полёту на «Фрезу-7», чтобы там пройти выпускные испытания. И вот тогда-то, к нашему превеликому удовольствию, к нам прибыли выпускники медицинского института, которые пожелали связать свою дальнейшую жизнь с армией, а если точнее, то именно с военно-космическими силами. Радовались все! Ну а как же: две трети приехавших выпускников-медиков были девчонками!

Недоделанные Склифосовские с азартом, достойным лучшего применения, взялись нас лечить, а вернее выискивать всевозможные недуги у совершенно здоровых новоявленных офицеров. Сначала мы несколько опешили от такого напора, а потом, когда прочувствовали всю прелесть ощущений от того, что тебя ощупывают женские пальчики, начали болеть! Вся будущая краса и гордость Российской армии болела! поголовно! Бывшие курсанты выискивали в интернете всевозможные недуги, узнавали симптомы, и всеми правдами и неправдами стремились попасть к медикам на излечение.

Раскусили нас быстро! Взбодрили тридцатикилометровым марш-броском и в приказном порядке запретили приближаться к медичкам.

А потом – прыжок на «Фрезу». Пережить подпространство должны были все, кто так или иначе связан с космосом, однако регулярно попадались те, кому это было категорически противопоказано. Человек просто терял сознание на довольно длительное время, а в худшем

случае и здоровье. К тому же, с точки зрения психологов, пребывание на другой планете было необходимо для того, чтобы новичок привык к мысли, что он находится не на земле.

На «Фрезе» у врачей-практикантов началась настоящая работа. В течение трёх месяцев молодых офицеров безжалостно ломали и пытались качественно покалечить не знающие жалости инструктора. Выдержишь – честь тебе и хвала! Не выдержишь – пожмут руку и сердечно поздравят с вступлением в славные ряды земной Российской армии! Это не считалось поражением или каким-то позором! Нет! Армия России с давних лет покрыла себя неуязвимой славой. Но всё же!.. Всё же!..

Эта медичка выделялась из всех не только большими синими глазами, но и какой-то особенной женственностью. Когда находился рядом с ней, хотелось её от чего-нибудь или кого-нибудь защитить, даже от своих братьев по оружию, с которыми успел за годы учёбы сродниться! Красивая она была! Вокруг неё постоянно крутились альфа-самцы местного разлива, к которым я себя тоже нескромно причислял.

Наша команда прошла тогда испытания с достоинством: с дистанции сошли всего шесть человек, и это был лучший показатель за последние двадцать лет. И, когда пришла пора расставаться с медиками, которые тоже закончили свои опыты над нами, я совершил глупость. Мне надо было во что бы то ни стало обратить на себя внимание синеглазой красавицы. Просто вежливых улыбочек с её стороны мне было недостаточно.

В трех километрах от базы, где наш отряд проходил выпускные испытания, находилась скальная гряда, на которой мы неоднократно тренировались. Но была там одна скала, на которую забраться без специального снаряжения было невозможно. А поскольку мы не были скалолазами и ползали по скалам, используя только руки и ноги, подъём на эту скалу был категорически запрещён. Честно сказать, среди тех, кто так или иначе имел отношение к моему выпуску, желающих так рисковать своей жизнью и не было. Все были нормальными. Все!.. Кроме одного идиота!.. Я полез на эту скалу! Мне всенепременно нужно было нарвать особых цветов, которые, наподобие земных Эдельвейсов, росли только на скалах.

Я не знаю, почему я остался жив! Возможно, потому, что мой злой рок именно в это время был в хлам пьяным и не мог направить мою смерть по правильному пути. А, может, потому, что мой ангел-хранитель оказался суперменом и, потихоньку удавив мою кончину за каким-нибудь камнем, не позволил мне упасть и расшибиться насмерть. Пару раз я срывался и только чудом успевал за что-то зацепиться, конкретно ободрав при этом кожу на руках и на ногах. Но напоследок всё же сверзился с пятиметровой высоты и, пропахав лицом и грудью по камням, достиг подножия скалы. Когда я, сумев не привлечь внимания дежурных офицеров, пробрался к медикам и уговорил дневального позвать синеглазую медичку, я спалился. Вернее, меня сдала сама виновница моих сердечных мук.

Увидев меня, она в ужасе уставилась на мою физиономию, а потом по экстренной связи вызвала дежурного офицера, который срочно уволок меня в медицинский пункт. Когда она же под наблюдением моего командира роты закончила облеплять меня биопластырем, я преподнёс ей помятый и выглядевший уже совершенно непрезентабельно букетик розовых лавиков.

Эти местные цветы обладали довольно необычной формой: центральный лепесток бутона имел четко выраженную конфигурацию стилизованного сердечка. Отсюда и название – от английского «love».

Недоумённо уставившись на букетик в моей руке, медичка, спокойно вытирая салфетками руки, равнодушно произнесла: «Стоило ли огород городить? Интересно, на что вы надеялись?» А потом, даже не посмотрев на меня, вышла из процедурной. У меня было чувство, что меня ещё разок повозили мордой по камням. Под сочувственным взглядом ротного я осторожно положил цветы на металлический столик, на котором лежали остатки пластыря, и пошёл в казарму.

Синеглазую медичку звали Светлана.

А когда мы вернулись на Землю, состоялся торжественный выпуск и всем были выданы дипломы об окончании военного училища, к которым прилагались золотые знаки. Всем!.. Кроме меня.

Я понимал, за какой проступок меня отчислили, но не мог сообразить, почему мне не вручают приказ об отчислении и я продолжаю состоять на довольствии. Когда последний из выпускников убыл к месту службы, меня вызвал к себе начальник училища и, вручив диплом об окончании, взял с меня клятву, что я никому и никогда не буду рассказывать о том, как умудрился добыть цветы. Пускай уж лучше курсанты думают, что меня отчислили. Чтобы ни у кого не возникло соблазнов повторить мой подвиг. Может, следующие поостерегутся.

И ещё он попросил меня о том, чтобы я не удалял с собственного лица довольно большой шрам, который остался у меня после похода за цветами. Увидев мой недоумённый взгляд, генерал совершенно серьёзным тоном сказал, что он это советует не потому, что шрамы украшают мужчину, а потому, что, каждый раз глядя в зеркало, я должен буду помнить о человеческой глупости. Шрам на лице у меня остался. Я вообще не удалил ни одного шрама, и не из-за того, что должен был помнить о собственной глупости, а из-за того, что мне было совершенно всё равно, есть они у меня или нет.

Я добросовестно отслужил обязательный пятилетний контракт, даже успел получить звание капитана, после чего распрощался с формой десантника, добытой с таким трудом, и ушёл на гражданку. Слишком много ограничений было в армии, много чего запрещалось, и моей вольной натуре это не нравилось. Командир десантной бригады, в которой я служил, подсунил мне интересную работёнку в качестве командира отряда охотников, нанятых Сибирской добывающей компанией. Этот промышленный гигант имел в своём арсенале добрую сотню транспортников типа «Фагот» и полсотни карьеров на десятке планет, входящих в состав Российской империи.

С тех пор, вот уже в течение десяти лет, я нахожусь со своим отрядом на беринеевом разрезе, имеющем официальное название «Райское место», где слежу за порядком и в меру сил оберегаю жителей карьерного городка от всевозможных опасностей. А Светлану, оказывается, я не забыл.

– Я так понимаю, своё название это место получило из-за того, что кому-то понравился окружающий пейзаж? – спросил командир десантников, когда мы с ним на моём «гноме» подошли максимально близко к запретной территории. Дальнейшее продвижение вперёд уже грозило крупными неприятностями.

– Да, полковник, говорят, что один из учёных мужей, стоя, можно сказать, вот на этом самом месте, так и сказал: «Какая красота кругом! Просто райское местечко!»

– Ну да, ну да!.. – протянул мой собеседник. – А потом, когда ещё и центорий добавился, здесь вообще райский сад зацвёл! А почему мы должны заходить в лес именно в этом месте? А не вон там, в паре километров отсюда? Там гораздо удобнее.

– Потому что там мы уже заходили, а это значит, что там нас встретят гораздо круче, чем здесь.

Заметив недоверчивый взгляд военного, я поморщился и добавил:

– Вы, Сергей Иваныч, можете думать обо мне всё, что хотите, но мне кажется, что лес в новом месте проникновения в него будет просыпаться дольше, чем там, где он с нами уже встречался. В результате чего отряд в спокойной обстановке сможет пройти гораздо дальше.

– Обоснуйте, капитан.

– Я наблюдаю за этим местом уже десять лет. Изучил все походы за центорием. И потерял в этом лесу много ребят... Кстати, вы знаете о том, что в самом первом походе к Синим скалам всего один из охотников, сопровождавших рабочих, получил ранение, да и то только на самом выходе из леса? Другими словами, отряд спокойно дошёл до Синих скал, под завязку нагрузился центорием и вернулся обратно.

– Да, – кивнул полковник и, сняв с головы шлем, водрузил его на короткий капот «гнома», – я изучил все материалы по выходам в лес, какие только мне смогли предоставить.

– А при каких обстоятельствах этот охотник получил ранение? Помните?

– На него кинулась какая-то тварь, он её убил, но вторая успела оттяпать у него приличный кусок мяса с ноги.

– Совершенно верно, – усмехнулся я, – только в обратном порядке. Сначала он убил какую-то тварь, которая, по опросам свидетелей, на него и не собиралась нападать. И уже после этого вторая тварь кинулась на него и укусила.

– Другими словами, ты хочешь сказать, что если бы он не напал первым, то и на них бы никто нападать не стал?

Я усмехнулся и, вздохнув, ответил:

– Заметьте, полковник! Не я это сказал!

– Ясно. А дальше?

– А дальше в этом месте следующий отряд уже далеко пройти не смог. Потерял двух человек и вынужден был вернуться. Через некоторое время сунулись в другом месте и довольно легко пробившись через лес. Опять загрузились и еле выбрались из леса, потеряв четверых охотников.

Я тоже снял шлем и поставил его рядом со шлемом полковника. Потом вытащил из бардачка термос с морсом, предложил напиток полковнику. А сам вытащил сигарету и, с удовольствием затянувшись ароматным дымом, продолжил:

– Следующие выходы уже проходили при моём непосредственном, так сказать, участии. Отряд заходил в новом месте, довольно спокойно добирался до скал, загружался и, теряя людей, с боем прорывался обратно. Пробовали, конечно, и по уже хоженому пути пройти, но сразу же убегали. Казалось, что эти монстры нас там ждали. Так мы смогли сделать ещё несколько ходок. А потом этот проклятый лес окончательно проснулся, и новое место захода уже не срабатывало. Пробиться за центорием мы больше не смогли. Однако, если вы твердо намерены самоубиться, то заходить мы будем именно вот тут, где мы ещё ни разу лес не тревожили. Может, и повезёт, да к тому же и времени после последнего похода прошло уже много.

– Ясно, – опять повторил полковник и, уставившись на меня своими маленькими умными глазками, спросил:

– И что же ты насчёт этого всего думаешь? Я ведь чувствую, есть у тебя какие-то мысли насчёт предстоящего дела.

– Есть, Сергей Иванович, есть мысли, но я их пока озвучивать не буду. Мы ведь не завтра собираемся туда лезть? Значит, время на размышления у меня ещё есть.

– Конечно, не завтра, – хмыкнул полковник, – не люблю я, знаешь ли, торопиться, когда есть время всё обдумать.

Я затянулся сигаретой последний раз, отщёлкнул окурочек в сторону леса и спросил:

– Вы обратили внимание на то, кто погибал во время походов за центорием?

– Обратил. Охотники!.. Ничего в этом, знаешь ли, удивительного нет. Они вооружены, они и были призваны для защиты остальных людей. Светлая парням память...

– Именно! А скажите, сколько погибло рабочих, участвовавших в походах?

Полковник задумался.

– Ни одного, Сергей Иванович! – решил я ему помочь. – Ни одного! Кроме тех трёх человек, которые подобрали оружие погибших охотников. Но самое поразительное не это! Эти трое работяг жили ровно до тех пор, пока не взяли в руки оружие, и, заметьте, они даже не успели сделать ни одного выстрела! Зверьё их убило сразу же после того, как оружие оказалось у них в руках!

– Ты хочешь сказать, что эти твари каким-то образом определяют, вооружён человек или нет?

– Пока я ничего не говорю, Сергей Иванович. Думаю я пока.

– Как что надумаешь, сразу же сообщи. И не переживай, смеяться не буду, – усмехнулся полковник, – невесело что-то мне, знаешь ли.

Он помолчал, задумчиво рассматривая затянутый лёгкой дымкой лес, а потом, словно проснувшись, встряхнул головой и спросил:

– Как далеко я смог бы уехать, к примеру, вот на этом «гноме»?

Я пожал плечами и, кивнув в сторону леса, ответил:

– Видите вон те оранжевые столбики? – и, дождавшись утвердительного кивка, продолжил. – Это охранный периметр. Он же и является началом территории излучения. От столбиков вы сможете проехать от пятисот метров до километра. У каждой машины по-разному.

– Как это происходит?

– Сначала двигатель начинает сбивать, трюить, потом клинит. Всё!

– Я слышал, что эта зараза каким-то образом синхронизируется с работой двигателя?

– Да, – кивнул я, – местный светила от учёной братии, чтобы мне было понятнее, привёл интересный пример. Вот рота солдат, вот мост, перед которым солдатам даётся команда «сбить ногу». Происходит эффект резонанса – ритм шага совпадает с колебаниями моста и приводит к постепенному раскачиванию последнего. Так же и тут: собственная частота двигателя совпадает с частотой излучения, и двигатель идёт в расход.

– Высоко это забралось?

– Последний дрон упал с высоты в три километра.

– Ясно, – тяжело вздохнул полковник, – если бы не эта дрянь, проблем бы не было.

Он помолчал, задумчиво постукивая по капоту «гнома» пальцами, а потом, как будто вспомнив что-то, встрепенулся:

– Так! Подожди-ка! А как же человек может там находиться? Сердце – это ведь тоже своеобразный мотор, у которого есть определённый ритм в работе.

– Сергей Иванович! – засмеялся я. – Не вы первый здесь такой сообразительный! Да, ритм есть, однако, по словам биологов, работа сердца не совпадает с частотой излучения, потому что сердце живое и частота его сжатия не является постоянной. Хоть на десятые доли секунды, но его удары по времени отличаются один от другого, в результате чего постоянная частота излучения не может синхронизироваться с частотой работы сердца.

– Ясненько, – усмехнулся полковник, – однако, дрянью это быть не перестало.

– Это излучение не такая уж и дрянь, – улыбнулся я, – на биологические объекты оно, по уверениям наших медиков, должно оказывать положительное воздействие. Но, как вы понимаете, желающих поселиться в зоне воздействия излучения по вполне понятным причинам нет. Так что опровергнуть или подтвердить предположения наших врачей некому.

Полковник задумчиво покивал головой, а потом сказал:

– Ну ладно капитан, пора возвращаться, заболтались мы тут с тобой.

Он взял с капота шлем, ловко водрузил его на свою бритую голову и, уже усаживаясь рядом со мной, вдруг добавил извиняющимся тоном:

– Ты, капитан, на парня не обижайся. Молодой он. Влюблённый. Приревновал тебя к доктору. А кто такие охотники, толком ещё и не знает. Хотя им всем сообщается, что охотники сплошь и рядом – бывшие их коллеги. Вот он и нарвался.

– Всё нормально, полковник, – улыбнулся я, – сам таким же бестолковым когда-то был.

Я действительно не обижался на этого парня. Любовь она такая – жестокая и циничная, любит над нашим братом поиздеваться. Вот и этого парня она подставила.

Он сразу же почуял во мне соперника. Как только я зашёл в спортзал, где десантники прилагали нешуточные усилия для поддержания себя в форме, он первым бросил молотить ногами манекен и уставился на меня. А мне надо было представиться им в качестве провод-

ника. Оттягивать дальше встречу с моей несостоявшейся любовью было нельзя. А то уже как-то некрасиво получалось. Прошла неделя, а своего проводника отряд так и не узнал.

Светлану я увидел сразу же, как только вошёл. Постоял несколько секунд, осматриваясь, а потом не торопясь направился через весь зал к махнувшему мне рукой полковнику. Не заметить меня, идущего через пустую площадку, было невозможно. Я светился на ней, как свечка в ночном поле. И Светлана меня заметила. Сначала она, видимо, не поняла, кого увидела, даже головой встряхнула, а когда наконец убедилась, что это действительно я, пошла мне наперерез.

Мы с ней встретились посреди зала и остановились друг напротив друга.

– Почему ты не убрал шрам? – вместо приветствия спросила она и вдруг, к несказанному моему удивлению, провела тонкими пальчиками по моему лицу.

– Умный человек посоветовал не делать этого...

– Вот как?! Интересно, почему умный человек дал такой неразумный совет?

– Он сказал, что я всегда должен вспоминать собственную глупость, когда буду в зеркало видеть свою физиономию.

– Извини!.. Твой советчик – действительно умный человек. Кстати, – улыбнулась она, – шрам тебя совершенно не портит, он делает твоё лицо более мужественным. Мне нравится!

Она ещё раз прикоснулась к моему лицу, но уже просто так, наверное, чтобы увериться, что это действительно я, и, провожаемая взглядами трёх десятков молодых мужиков, пошла на выход из зала.

Все эти пятнадцать лет, что я её не видел, рухнули на меня как лавина, которая своим стремительным потоком начала выворачивать из глубин памяти булыжники воспоминаний и греметь ими в моей ставшей вдруг очень лёгкой голове.

Господи! Как же она мне нравилась! Она, по-моему, стала ещё красивее, чем была! Короткая стрижка придавала ей какой-то неповторимый подростковый шарм. Ярко-синие глаза, маленький носик, красивые, кажущиеся чуть припухлыми губы, маленький аккуратный подбородок, высокая шея. Даже широкие спортивные плечи не портили её, их ширина скрадывалась высоким ростом.

Я смотрел ей вслед и с тоской понимал, что вся моя бестолковость никуда не делась. Она, оказывается, всегда была со мной! Только притаилась до времени!.. Когда же пришла пора, точнее, когда я опять увидел эту женщину, моя дурость выбралась наружу, энергично встряхнулась и довольно заворчала, требуя, чтобы я немедленно отправился к синим скалам. Я просто обязан преподнести Светлане пару килограммов центория!

Однако недолго праздник продолжался! Как чёрт из табакерки вылез этот Ромео, по всей вероятности, влюблённый в Светлану, которого вдруг начали мучить сомнения, подхожу ли я в качестве проводника для геройского десантного племени. И прямо тут же предложил мне подтвердить высокий статус охотника. Уговаривать меня не пришлось, с удовольствием послушав начавшего было материться полковника, я разулся, сбросил куртку и приступил к работе.

Лейтенант был отличным бойцом, других у них и не держали. Если ты просто хороший боец, значит тебе место в других войсках. Парень сам себе всё испортил: он с каким-то маниакальным упорством стремился разбить мне физиономию, ну или, на крайний случай, синяков наставить, вместо того чтобы просто меня вырубить, что, собственно, и является основной целью любого боя.

Он проиграл не только потому, что был моложе, и даже не потому, что я знал всё, чему их учили. Был и ещё один не учтённый им фактор. На моей стороне играла сама планета. Десантники, в силу своей профессии, большую часть времени проводили в условиях невесомости. На кораблях хоть и имела место искусственная гравитация, однако она была заметно меньше планетарной, вследствие чего при попадании в зону повышенного тяготения реакция у людей замедлялась.

Полковник это знал, поэтому и попытался его остановить, но потом, придя к решению, что неразумность необходимо искоренять, позволил мне повалить парня по полу. А когда решил, что воспитательный процесс прошёл успешно, остановил бой и, построив свою команду, на исконно русском языке объяснил, почему в ближайшие пару лет соперников среди присутствующих у меня не будет.

Глава 3

После нашего со Светланой разговора прошли ровно сутки. Вернее, это я смог выдержать сутки. И на следующий день, вечером, когда, по моим прикидкам, все мероприятия десантников были уже закончены, набрав в запретной зоне цветов, пошёл сдаваться.

Я шёл по коридору и успокаивал себя резонными рассуждениями о том, что, если за все эти годы она не перестала мне нравиться, значит, надо попробовать начать всё сначала. Не просто так же она сама подошла ко мне? И потом, она сказала, что я ей нравлюсь, вернее, что ей нравится моя физиономия, а это, с моей точки зрения, хороший сигнал.

Недалеко от комнаты Светланы я машинально кивнул идущему навстречу «Ромео» и, потоптавшись возле двери, нерешительно нажал кнопку вызова. Услышав лаконичное «войдите», толкнул щёлкнувшую замком дверь и шагнул в комнату.

– Я тебя ждала ещё вчера! – улыбнулась Светлана и, взяв из моих рук цветы, отупила в сторону, приглашая меня войти.

Несколько часов пролетели незаметно. Мы говорили обо всём. Вспоминали своих друзей и общих знакомых. Она рассказывала о своей службе, я – о своей работе. В общем, время мы провели приятно, однако, когда я вернулся в свою комнату и завалился на кровать, то вдруг с удивлением понял, что всё то время, пока мы были вместе, я был в некотором напряге, словно подросток на первом свидании.

На следующий день я опять съездил за цветами и вечером заявился к Светлане. Так продолжалось дней пять. Для меня это стало неким ритуалом – поход за цветами, визит к Светлане, разговоры ни о чём. Пока в один прекрасный день я не пришёл пораньше...

Светлана, видимо, только что вышла из ванной комнаты, потому что держала в руках полотенце и была одета в короткий синий шёлковый халат. Предложив мне войти, она неторопливо повесила полотенце на спинку стула, зачем-то аккуратно расправила его и только после этого сказала:

– Извини! Ты сегодня пришёл раньше, я не успела переодеться.

– ... Это тебе, – проскрипел мой голос в пересохшем вдруг горле, и я протянул ей цветы.

Светлана взяла букет, поднесла его к лицу и, закрыв глаза, постояла так несколько секунд. А потом, утопив меня в своих синих глазах, улыбнувшись, произнесла:

– Знаешь!.. Ты, пожалуйста, не носи мне больше цветы, а то мне их ставить некуда! Ты меня ими уже завалил! Тебе не кажется, что ты слишком уж разошёлся? К чему бы это?

– К тебе!.. – прошептал я и, мысленно приготовившись к появлению на моей физиономии ещё одного шрама, взял её за пояс халата и подтянул к себе поближе.

– Подожди, пожалуйста! – улыбнулась Светлана и, чуть отстранившись, заглянула мне в глаза. – Скажи, ты что, все эти года помнил меня? Думал обо мне?

– Нет, конечно, – прошептал я и отвёл глаза, – у меня была своя жизнь!.. Тебя вот увидел и вспомнил. А ты, оказывается, уже не та. Ты стала другой. Мне кажется, что я с тобой только сейчас познакомился.

– А ты поумнел! Надеюсь, бестолковые поступки уже не совершаешь?

– Сейчас я за это уже не поручусь...

– Если ты отпустишь пояс и просто потянешь за его короткий конец, – улыбнувшись, прошептала Светлана, закидывая руки мне на шею, – будет гораздо лучше, ты уж поверь!

И она прижалась к моим губам своими мягкими и нежными губами, заставив замечать тяжело ворочавшиеся в моей голове булыжники прошлого и дав мне возможность наслаждаться настоящим моментом.

Я охотно воспользовался советом и, бросив развязавшийся пояс на кровать, невольно задержал на нём взгляд.

– Туда мы ещё успеем! – засмеялась Светлана, перехватив мой взгляд. – Но, не сейчас, рано ещё! – И она снова прижалась к моим губам.

«Что такое не везёт, и как с ним бороться?» – должен был я задать себе вопрос, когда Светлана неожиданно отстранилась от меня и, глядя мне за спину, заледеневшим вдруг голосом проговорила:

– Лейтенант, вам кто давал право входить к старшему по званию без разрешения?

– Зачем он здесь? Что он у вас делает? – спросил лейтенант, не обращая внимания на заданный ему вопрос.

Я медленно развернулся и напрягся, по привычке прикидывая, есть ли у визитёра оружие и где он мог бы его прятать. Почувствовав это, Светлана меня успокоила:

– Всё в порядке, расслабься! Он, конечно, неразумен, но не до такой же степени!

Потом она обратилась к ставшему красным как варёный рак офицеру:

– Вы хоть понимаете, лейтенант, что вот этим своим поступком вы можете перечеркнуть всю свою будущую карьеру? Вы, в конце концов, разумный человек! Для чего вы это сделали?

– На последнем офицерском балу вы ни разу не отказали мне в танце, и я подумал, что вы тоже испытываете ко мне какие-то чувства!

– Лейтенант! На балу я танцевала с добрым десятком мужчин! – зазвенел от злости голос Светланы. – Но ни один из них в результате этого не пришёл к выводу, что он мне нравится!

Она коротко выдохнула и уже почти нормальным голосом продолжила:

– Принимая во внимание всё, что только что произошло, я пришла к выводу, что вы думаете далеко не тем местом, которое предназначено для этого природой. Поэтому через десять минут я жду вас вместе с полковником Николаевым в медицинском боксе! Всё!.. Свободны!

Когда несчастный Ромео, хлопнув дверью, вышел, я расслабился и, усевшись на стул, с сожалением сказал:

– А я-то думаю, что это он мне каждый вечер возле твоей комнаты встречается! Вот что значит не закрыть за собой дверь!.. Кстати, а что с парнем-то будет?

– С учетом его некоторой психической неустойчивости он будет временно отстранён от службы. Я не могу позволить, чтобы в отряде находился человек, который явно ненавидит одного из своих собратьев по оружию! То есть тебя!

С этими словами Светлана распахнула халатик, толкнула меня на кровать и уселась верхом:

– Знаешь!.. А я ведь сейчас, как и этот лейтенант, тоже думаю совершенно другим местом, – прошептал я, запуская руки женщине под халат и прижимая к себе горячее тело.

– Ты думаешь, я этого не заметила? – улыбнулась Светлана. – Вообще-то, обращаясь к лейтенанту, я имела в виду то место, на котором он сидит, а не то, на котором я сейчас сижу у тебя!

Тут она встала и, запахнув халат, опять подвязалась пояском.

– Дразнилась?

– Да!.. Дразнилась! Чтобы ждал с нетерпением!.. А сейчас мне пора, ты же слышал.

Утро мы встретили в одной постели. На завтрак не пошли, не до того было!..

Полковник быстро справился со своими неумираемо-вечными, по крайней мере, в Российской армии, макаронами по-флотски и теперь с удовольствием прихлёбывал горячий чай, терпеливо ожидая, когда я со Светланой закончу обед. Он, по все вероятности, как и я, не любил говорить о делах за едой. Дождавшись, когда я выдул под занавес пол-литра кваса, он негромко сказал:

– Ну, капитан, ты обещал сообщить, что обо всём этом думаешь! – и, поставив пустую чашку на стол, откинулся на удобную спинку стула. – Пора бы уж. Не можем же мы тут вечно сидеть. Надо начинать работать. Говори, что нового надумал.

– Нового, Сергей Иванович, ничего! Я по-прежнему думаю, что местные животные каким-то непостижимым образом могут определять угрозу, которую несёт для них оружие. И всё началось с того первого выстрела, когда был убит первый представитель местной фауны. Если бы этого не случилось, мы спокойно ходили бы за центорием и всегда возвращались бы обратно. До тех пор, пока у кого-то из охотников не сдали бы нервы.

– Это понятно. Нервы уже не выдержали, и выстрел уже был!.. Дальше!

– Я далёк от мысли, что местные животные разумны, но они умны и, как мне кажется, обладают какой-то ментальной связью друг с другом.

– О как! – усмехнулся полковник. – Обоснуй!..

– В первый выход охотники были вооружены лёгким стрелковым оружием, из которого и была убита первая животины. Во второй раз, будучи вооруженным этим же оружием, отряд охотников понёс потери, так как на них напали животные, которых с первого раза из имеющихся стволов убить уже было гораздо сложнее. Дальше хуже! Как только мы вооружились более серьёзно, сразу же появились более опасные твари. И чем мощнее становилось наше вооружение, тем крупнее и опаснее становились нападавшие на нас твари.

– Ты хочешь сказать, что если имеющиеся твари не могут справиться с угрозой, – удивлённо протянул полковник, – то они призывают тех, кому это сделать по силам?

– Именно, Сергей Иванович! И помните, – улыбнулся я, – вы обещали не смеяться!

– А я и не смеюсь! Значит, говоришь, чем мощнее оружие, тем больше твари?!

Полковник повозился на стуле, словно ему вдруг стало неудобно сидеть, и задумчиво проговорил:

– Знаешь, честно говоря, не очень верится во все эти ментальные дела.

– Тогда откуда появился «пасечник»? Он что, на шум пришёл? Тогда почему раньше не приходил? А мы ведь в лесу несколько лет изрядно так шумели!

– Может, просто совпадение, – пожал плечами полковник, – этого тоже не стоит исключать.

– Слишком много подобных совпадений! Как новый выход, так новые, более опасные, чем предыдущие, твари! И потом, как вы объясните, что «пасечник», топчась своими ножищами прямо по отряду, с ювелирной точностью умудрялся не наступать на рабочих? Он охотился только на вооружённых людей, я сам видел, как эта тварь раздавила охотника, умудрившись при этом не задеть стоящего рядом с ним работягу.

– Ну и каков же твой вывод? – усмехнулся полковник.

– Они убивают только вооружённых, а, значит, опасных для них людей. Не спрашивайте, как они это определяют! Не знаю.

– Уверен?.. – хмыкнул полковник.

– Уверен! И чтобы доказать это, завтра я один, без оружия, схожу за центорием.

Полковник долго, наверное, целую минуту внимательно меня разглядывал, а потом, видимо приняв решение, сказал:

– Хорошо! Ты пойдёшь за центорием без оружия! Можешь хоть догола раздеться, но пойдёшь не один! Ты возьмёшь с собой вон её, – и он кивнул в сторону внимательно слушавшей нас Светланы.

– А что, с тобой я пойду! – улыбнулась мне Светлана. – С тобой мне не страшно. Тем более что ты будешь голым...

– Ну, уж нет! – встал я из-за стола. – Ты, полковник в, своём уме?

– Что, капитан! – ехидно засмеялся полковник. – Уверенности-то поубавилось? Значит, сомнения всё же есть! Не хочешь её жизнью рисковать?

Он тоже поднялся из-за стола и уже совершенно серьёзно сказал:

– Вот и я не собираюсь рисковать твоей жизнью! Поэтому выходим в составе специально снаряжённого отряда. А на его специальное снаряжение ты сейчас и помотришь. Пошли...

И он лёгким, пружинящим шагом направился к выходу из столовой, видимо, ни на йоту не сомневаясь в том, что мы со Светланой последуем за ним.

– Ну и что ты об этом думаешь, капитан? – довольно спросил меня полковник, когда я вдоволь налюбовался на броню десантника, которая был разложена на сдвинутых вместе двух столах. Столы установили в спортзале, превратившемся в штаб-квартиру по подготовке к выходу за центорием.

– Сергей Иванович! Если ты хотел меня удивить, то у тебя не получилось! – засмеялся я. – Поверь, я не один день и даже не один месяц провёл именно в такой броне. Единственное отличие в том, что эта броня не окрашена, а, судя по синеватому отливу, чем-то покрыта.

– Совершенно верно, капитан! Совершенно верно! – радостно потёр руки полковник. – Есть на ней напыление, в результате которого она теперь стоит, как двухэтажный особняк в самом престижном районе столицы.

Я присвистнул и, ещё раз проведя ладонью по пятигранным пластинам, пробормотал:

– Вы хотите сказать, что они покрыты...

– Именно! Имен-н-но!.. – не дал мне договорить полковник. – Ты, капитан, прав! На обычную броню напылили центорий, и сейчас ни одно биологическое создание не сможет её прокусить. Он улыбнулся и, погладив броню своими короткими мощными пальцами, добавил:

– По крайней мере, мне очень хочется в это верить.

– Возможно, что и не прокусят, – решил я добавить ложку дёгтя в полковничью радость. – А как насчёт «пасечника»? Она выдержит, если он на неё со всего маха опустит свою ногу?

– Вот умеешь же ты, капитан, настроение испортить! – нахмурился полковник и, зыркнув в мою сторону, пробормотал:

– Нет, конечно!.. Не выдержит!.. Невозможно от всего уберечься...

– Я так понимаю, «пасечник» – это здоровенное ходячее бревно, рисунки которого нам показывали? – вопросительно посмотрев на меня, спросила Светлана.

– Ну да, можно сказать и так, – грустно усмехнулся я. – Такое впечатление, что эта тварь действительно состоит из соединённых между собой брёвен! Самое большое – это его тело. Диаметр примерно метра три и длиной метров десять. С одной стороны у этого бревна есть косой срез, на котором размещена пасть с большими зубами. Причём размер её такой, что туда свободно пройдёт человек!.. В броне... с напылением!.. Над пастью болтаются несколько щупалец, похожих на толстые лианы. Ну и в завершение вся эта дрянь перемещается на шести ногах, тоже напоминающих брёвна метрового диаметра. Предположительно, насколько я смог определить, когда убежал от этого создания, ноги у него высотой метров восемь! И, к сведению, не думайте, что брёвна неповоротливые: эта тварь довольно резвая, хотя вернуться от неё и можно.

– Так, всё! Хорош тебе людей пугать! – нахмурился полковник и, хлопнув пятернёй по броне сказал:

– Это твоя, под твой размер подогнали, примеряй. Послезавтра выходим.

Напялить броню мне помогала Светлана, которая, после того как защёлкнула на мне последнюю застёжку, спросила:

– А почему «пасечник»? Странное какое-то название, оно что, как-то с пасекой связано?

– Да нет! Я сам не видел, но говорят, что один из рабочих, увидев, как этот монстр стоит над одним из его товарищей по фамилии Пасечник, стал тыкать в его сторону пальцем и, чтобы привлечь внимание, заорал: «Пасечник, Пасечник!..» Так и прицепилось!.. Ну ладно, к обновке притереться надо.

И я, перейдя на лёгкий бег, всё ускоряясь, потрусил по беговой дорожке.

– Ты чего сюда впёрся! Сюда нельзя! – возмутилась Светлана, когда я этим же вечером без приглашения зашёл в процедурную, которой она пользовалась с разрешения местного эскулапа.

– Завтра выходим, и я хочу ещё раз попробовать убедить тебя остаться и не ходить с нами.

– И ты для этого выбрал место, куда нельзя заходить в обуви и без халата! Подождать ещё часок не мог?

– Извини! – вздохнул я. – Это место, по-моему, как раз для такого разговора и подойдёт.

– Ну, хорошо! – улыбнулась Светлана. – Начинай!..

– Скажи, я смогу найти слова, чтобы отговорить тебя?..

– Ты каждый день пытаешься найти эти слова с того самого момента, как первый раз выбрался из моей постели! – засмеялась Светлана, не дав мне договорить. – Неужели что-то новенькое придумал?

– Придумал, – пробормотал я и, взяв её левую руку, поцеловал ладошку. – Вот только к словам это отношения иметь уже не будет...

– Ты становишься похожим на Иваныча. Он тоже всю дорогу пытается отговорить меня от похода. Слава Богу, устав не позволяет ему в приказном порядке запретить мне выход. Медик в отряде должен быть! И давай закончим на этом. Веских аргументов ты найти не смог!

– Да. Не смог. Поэтому я должен буду сделать то, за что ты меня не только возненавидишь, но и забудешь о моём существовании. Я хочу, чтобы ты жила. У меня просто нет выбора. Прощения не прошу. Знаю, что такое не прощают!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.